

Соотечественники — как соль и перец

В ЛАТВИИ ВСЕГДА ОЧЕНЬ ТРЕПЕТНО ОТНОСИЛИСЬ К МНЕНИЮ США. А СЕЙЧАС ШТАТЫ ПОДДЕРЖИВАЮТ УЛУЧШЕНИЕ ДИАЛОГА БАЛТИИ И РОССИИ, ПОДЧЕРКИВАЕТ ПОЛИТОЛОГ ВИКТОР МАКАРОВ

АЛЕКСАНДРА ГЛУХИХ
GLUHIX@TELEGRAF.LV

«Перезагрузка» российско-американских отношений станет поводом для пересмотра диалога Риги и Москвы, в том числе по таким столь болезненным вопросам, как общее историческое прошлое, считает политолог Виктор МАКАРОВ. Россия, по мнению эксперта, сейчас как никогда открыта странам Балтии, что полностью совпадает с проамериканским курсом внешней политики Латвии. Виктор Макаров будет одним из докладчиков на открывающейся сегодня международной конференции «Балтийский форум». Помимо него актуальные вопросы глобальной политики и экономики обсудят ведущие эксперты из России, США и стран Европы.

— Что положило начало глобальным геополитическим процессам, которые сегодня называют чуть ли не началом новой эры российско-американских отношений?

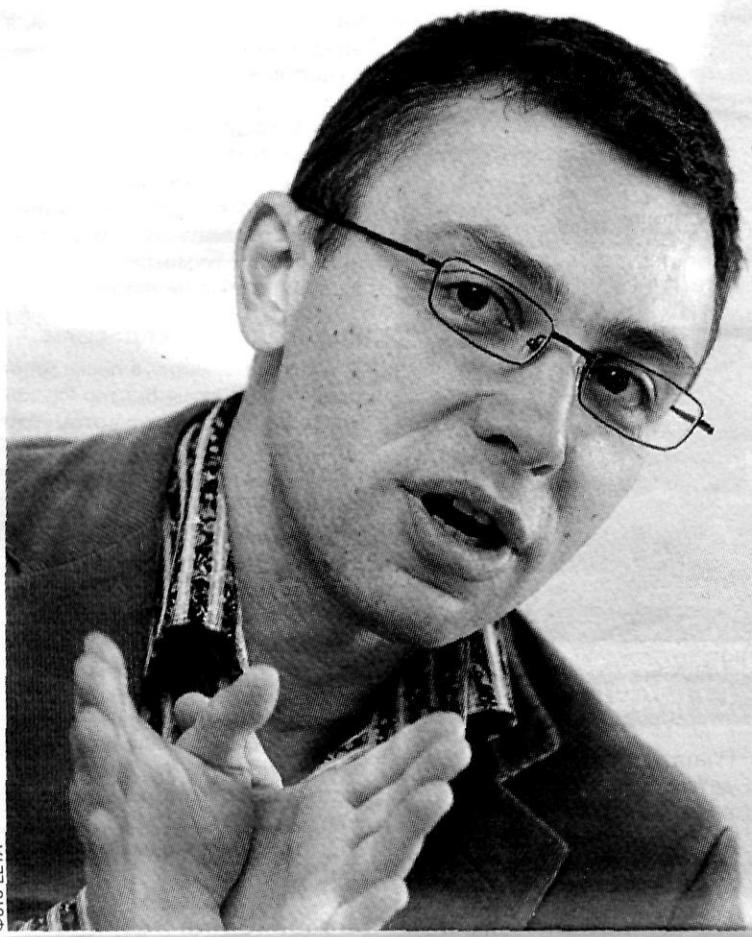
— Отношения между Россией и США многие эксперты сравнивают с маятником, который колеблется от напряженности и враждебности до попыток демонстративной дружбы. Объясняется это, в первую очередь, историей. Россия чувствует себя преемницей СССР, сохраняя в подсознании мысль, что США — это главный соперник, страна, с которой нужно постоянно себя сравнивать. На самом деле это давно не так. И сама Америка не смотрит на Россию как на конкурента. Это место стабильно занимает Китай.

Но, конечно, есть ряд сфер, где у Москвы и Вашингтона разные интересы. Прежде всего вопрос ближнего к России зарубежья: Москва хочет сохранить там свое влияние, США такую идею, мягко говоря, не поддерживают. Другой потенциальный объект для конфликтов — Иран.

Сейчас Кремль реализует новую цель — вернуться во внешнюю политику в качестве мировой державы. Были колебания между двумя концепциями: или Россия — держава сама по себе, которая ни от кого не зависит, или она все-таки одна из держав Запада, открытая к партнерству с западным миром в широком смысле, включая Европу, США, Японию. Еще один важный момент, усиливающий потребность выбора, — Китай. С одной стороны, это страна — партнер и сосед, с другой — потенциальный противник, идти в объятия которого достаточно рискованно.

— Чем в этом контексте является «перезагрузка», о которой год назад сообщили лидеры США и России? Это реальный процесс или мифический образ?

— Это абсолютно реальный процесс. На самом деле необходимость сближения стала понятна еще до прихода Обамы — в августе 2008 года. Прецедент с Грузией стал большим позором и для американской политики, поскольку фактически оказалась

СПРАВКА ►►

► **Виктор МАКАРОВ**, директор политического центра EuroCivitas, исследователь «Балтийского форума». Магистр политологии (Копенгагенский университет). Автор многочисленных публикаций и исследований по вопросам международной политики, истории, правовому положению национальностей и т.д.

окупирована страна — союзница США, без пяти минут член НАТО, и для России, которая получила громадный удар по репутации.

С появлением Обамы процесс сближения сразу продвинулся вперед. Обама не был связан обязательствами по ПРО. Пересмотр планов размещения систем ПРО в Польше и Чехии не означал для него потерю лица. Один из вопросов, который очень беспокоил Россию, был снят. Россия, в свою очередь, меняет на более прозападную свою позицию по Ирану.

— Ради чего?

— Для России конфронтация с Западом была бы громадной проблемой. В первую очередь с точки зрения экономики. Например, «Газпром». Чтобы поддерживать необходимый уровень добычи, компания должна инвестировать громадные деньги, которые могут появиться только при наличии стабильного сотрудничества с Европой. Китай или любая другая страна никогда не предложит такую цену, что готов платить ЕС. К тому же если «Газпром» хочет развиваться, нужны ноу-хау, технологии, эксперты...

Другая причина более банальна. Большинство людей, которые определяют в России внутри- и внешнеполитический курс (это человек 50), — давно уже более чем интегрировались на Западе. Они работают в России, но их семья, имущество, бизнес-интересы — давно на Западе.

В случае конфронтации они могут это потерять.

— Получается, что поход Кремля в сторону Европы происходит через демонстративную «перезагрузку» отношений с США?

— Маятник отношений между Россией и ЕС всегда имел меньшую амплитуду. Между ними никогда не было таких видимых конфронтаций, как между Вашингтоном и Москвой, и их объединяли конкретные экономические проекты и необходимость поиска конкретных технических решений.

Вопрос защиты прав соотечественников всплывает, когда нужно что-нибудь поперчить или посолить.

У США и России общих экономических интересов фактически нет. Там много эмоций. Плюс связующее звено в виде стран постсоветского блока — Польши, Венгрии, Чехии, Прибалтики. Эти страны всегда ориентировались на Америку, поскольку в силу исторических причин именно она для них была гарантом их безопасности. Для США Восточная Европа не находится в списке главных приоритетов, но тем не менее за происходящим здесь следят. И тут, конечно, важно, что Россия впервые пытается улучшить отношения с ЕС не только через Брюссель, Рим, Па-

Если бы не было истории, очевидно, позиция Польши и Балтийских стран в вопросе строительства Nord Stream была бы иной.

риж или Берлин, но и через Варшаву, Ригу, Таллин. И в Москве хорошо понимают, что без пересмотра отношений со странами Восточной Европы нельзя добиться полноценного сближения с Европой и с США.

— А что интересует Россию в Балтийском регионе?

— Как таковой он не имеет стратегического значения. Однако есть один вопрос, который имеет стратегическую важность для всей Европы, — это газопровод Nord Stream. К тому же у России есть интерес к привлечению инвестиций в свои собственные западные регионы — Санкт-Петербург, Калининград. У России, безусловно, есть желание сотрудничать. С другой стороны, Балтийский регион — это территория раздора на тему постсоветского прошлого. Конфликтных поводов тут много. Но мы видим и подвижки на примере той же Польши. Началось все еще с визита Путина в 2009 году и хоть не очень охотно, но признания, что пакт Молотова — Риббентропа — это плохо. Сейчас все движется более быстрыми темпами, так как Россия осознает, что ей это нужно.

— Если Россия не побоялась ворошить вопросы истории в диалоге с Польшей, открыв свои архивы по Катыни, можно ли ожидать, что то же самое она сделает в отношении Балтии?

— Можно, но сложно. Россия тщательно дозирует такие вопросы. Катынь стала для российской политики громадным камнем преткновения. В какой-то момент кто-то решил, будто выгоднее придерживаться версии, что поляков под Катынью расстреляли немцы. Это тотальное нежелание признать факты истории обернулись для России огромными потерями и для репутации, и для экономики. Если бы не было истории, очевидно, позиция Польши и Балтийских стран в

вопросе строительства Nord Stream была бы иной.

того, что кто-то может предъявить ей через суд многомиллиардный иск. В то же время наличие и категорическое нежелание Москвы внятно оценить события 40-го года в Балтийских странах. Есть признание, что пакт Молотова — Риббентропа был морально неверен и даже незаконен. Но латвийская позиция, как мы знаем, основывается на требовании упоминания слова «оккупация». Но даже здесь, вероятно, можно найти компромисс: например, одна сторона снимает все материальные претензии, другая — в ответ выражает сожаление, признав недобровольный характер включения стран Балтии в состав СССР.

— А вопрос защиты прав соотечественников может прозвучать в этом контексте?

— Он всплывает, когда нужно что-нибудь поперчить или посолить. Он не является приоритетным с точки зрения российских внешнеполитических интересов. Есть гораздо более критические случаи положения прав российских соотечественников, например, в Туркмении, но Россия там не делает ничего, потому что Туркмения — это газ, а газ — важнее. В случае с Балтийскими странами «соотечественники» — это хорошая тема по внутриполитическим соображениям. Любого россиянина волнует, если происходят какие-то ущемления прав русскоязычных за рубежом. Но в то же время в России есть, очевидно, понимание бесполезности заявлений про дискриминацию прав русскоязычных: как таковая она не признается ни одной международной структурой.

— А латвийские политики, на ваш взгляд, уже осознали факт смены геополитических векторов? «Новое время» и «Гражданский союз» как проамериканские силы должны вроде бы уловить сигнал, который им расшифровал военный атташе посольства США в Риге, придя в «день советской Победы» — 9 Мая — к «советскому памятнику» в Задвинье.

— Если говорить об официальной линии правительства и МИДа, то понимание, что с Россией нужно нормализовать отношения, возникло еще в 2005 году. Но, конечно, есть еще так называемая политическая риторика. И, безусловно, у нас в Латвии всегда очень трепетно относились к мнению США. Сейчас для всех очевидно, что Штаты поддерживают улучшение диалога Балтии и России. При этом для латвийского избирателя тема отношений с Россией все-таки не так важна, как экономические или социальные вопросы. Правые обязательно будут предпринимать попытки пиариться на проамериканских позициях, но теперь это совпадает с темой нормализации отношений с Москвой. ■

вопросе строительства Nord Stream была бы иной.

Вопросы истории, и в первую очередь Второй мировой войны, для самой России очень важны. Фактически вокруг истории сейчас происходит попытка самоидентификации российского народа. Но есть некоторые конкретные аспекты, где Москва могла бы пойти на уступки. В случае с Латвией — открыть архивы, создать совместную комиссию историков.

Еще один вопрос — прибалтийские подсчеты ущерба от оккупации. Конечно, России не нравится гипотетическая угроза